

УДК 343.13

А.А. ЮНУСОВ,
доктор юридических наук, профессор

*Набережночелнинский филиал Института
экономики, управления и права (г. Казань)*

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье обсуждаются вопросы о допустимости предварительной оценки судом в стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству степени фактической доказанности обвинения, внесенного прокурором в суд.

Известно, что система российского уголовного судопроизводства изначально построена таким образом, что каждая его стадия имеет самостоятельные (непосредственные) задачи, для эффективного выполнения которых законодатель, в свою очередь, определяет специальные, присущие только данной стадии средства (методы) их достижения. Достаточно известно и то, что практически каждая последующая стадия в системе российского уголовного судопроизводства наделена определенными контрольно-проверочными функциями по отношению к стадии предыдущей и, соответственно, в известной мере призвана, с одной стороны, проверить достижение поставленной перед ней задачи; с другой – обеспечить возможное исправление ошибок или пробелов предыдущей уголовно-процессуальной деятельности.

Уже в самом постадийном построении российского уголовного процесса не было бы смысла, отмечают в данной связи Т.Г. Морщакова и И.Л. Петрухин, если бы каждая из стадий процесса не имела собственных задач и если бы контроль за их выполнением не выступал в качестве обязательной предпосылки для осуществления эффективного судопроизводства в следующей стадии [1].

В этом контексте сущность (суть) и непосредственные задачи стадии предания суду в русском уголовном процессе были методоло-

гически точно вскрыты еще И.Я. Фойницким, указывающим на то, что: "Предание суду в значении деятельности судебной покоится на основаниях двоякого рода. С одной стороны, им ограждаются интересы общества, требующие, чтобы уголовному суду были предаваемы все того заслуживающие. С другой стороны, предание суду направлено и к ограждению личности обвиняемого. Состояние судимости, сопровождаясь общественным позором, само по себе в высшей степени тягостно; если даже судимость окончится оправдательным приговором, то не это может искупить причиненных страданий. Но возможен еще худший исход, а именно – постановление обвинительного приговора вследствие неосновательного привлечения к суду, тем более что возбуждение общественного мнения против лица, посаженного на скамью подсудимых, может иногда само по себе склонить против него весы правосудия и дать силу ничтожным уликам. Такая опасность для личности существовала бы в весьма значительной степени, если бы предание суду было делом бесконтрольного личного усмотрения обвинителя; *судебным контролем* (здесь и далее курсив автора) в данном случае и является процедура предания суду" [2].

Солидарен с ним в этом вопросе и М.В. Духовской, правильно указавший на то, что: "Появление публично на суде в качестве об-

виняемого само по себе (независимо от того, будет ли он осужден) нелегко; оно причиняет нравственные страдания, может доставить и материальный вред, может повлиять на репутацию, отозваться на всю жизнь. ... Столь важное значение момента предания суду в уголовном процессе вызывает необходимость поставить его в условия, которые служили бы достаточным ручательством, что на скамью подсудимых не попадет человек, привлеченный к делу пристрастно или легкомысленно" [3, 4].

В том же, достаточно определенном, социальном, контексте ему вторит А.Ф. Кони, верно указывающий на то, что вопрос о предании суду представляется одним из самых серьезных вопросов в судебном строе государства [5].

Однозначен в этом вопросе был и М.С. Строгович, также указывающий на то, что: "Предание суду – стадия уголовного процесса, которая заключается в том, что суд в установленном законом процессуальном порядке решает вопрос о достаточности представленных ему фактических данных и о наличии юридических оснований для разрешения в судебном разбирательстве вопроса о виновности привлеченных к уголовной ответственности" [6].

Решение о предании обвиняемого суду, уточняет при этом практически каждый из названных авторов, может быть вынесено лишь при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании. Сами же эти основания, – поясняет Т.А. Михайлова, фактически очерчивая предмет проверки и оценки суда на этом этапе, – должны касаться как существа предъявленного обвинения, *его доказанности*, правильности применения уголовного закона, так и соблюдения процессуальных правил проведения (процессуальной формы) предварительного расследования по делу [7, с. 9; 8].

В данной связи, утверждая независимый судебный контроль за качеством предварительного расследования преступлений (контроль за всесторонностью, полнотой и объективностью установления на досудебном этапе фактических обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания) и за законностью и обоснованностью внесения прокурором уголовного иска (дела) в суд

(по сути, контроль за законностью и обоснованностью обвинения, вмененного обвиняемому), законодатель ясно подчеркивал *юридическую* и *социальную* важность задач названной стадии, призванной, прежде всего, исключить внесение на судебное разбирательство уголовных дел, не имеющих к тому достаточных правовых (юридических) и (или) фактических оснований; расследованных с существенным нарушением, установленной законодателем процессуальной формы, или с явным нарушением (необеспечением) прав, свобод и законных интересов основных участников уголовного судопроизводства.

Соответственно этой социальной направленности нормативного регулирования полномочий суда (судьи) на данном этапе, в том числе и в историческом их аспекте, *непосредственные задачи* названной стадии в теории российской уголовно-процессуальной науки, как правило, традиционно формулировались как независимый судебный контроль¹ [9]:

1) за всесторонностью, полнотой и объективностью (качеством) предварительного расследования преступлений, призванного обеспечить быстрое, полное и справедливое разрешение дела в суде по существу;

2) за законностью и обоснованностью обвинения, сформулированного прокурором в обвинительном заключении или в обвинительном акте (вариант: за достаточностью обвинительных доказательств для внесения этого обвинения в суд с целью его разрешения по существу и т.п.²);

3) за scrupulousным соблюдением органом предварительного расследования (отчасти, прокурором) установленной законодателем процессуальной формы расследования и, соответственно, реальным обеспечением в рамках реализа-

¹ Названный термин уже вполне определенно и именно в данном контексте использовался теоретиками русского уголовного судопроизводства при анализе положений института предания суду по Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 года [2].

² Различие, как видим, не столько сущностное, сколько терминологическое, призванное в силу известных причин (известного вопроса о «предрешенности» обвинения) несколько завуалировать действительный предмет проверки и оценки суда на этом этапе.

ции этой формы основных прав участников уголовного судопроизводства, особенно прав обвиняемого (обвиняемых) и потерпевшего [7; 10; 11; 12, с. 217-237].

Редкие исключения из этого правила, связанные, к примеру, с тем, что, иногда непосредственные задачи указанной стадии определялись как *способствование укреплению социалистической законности, предупреждению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития* и т.п. [13], следует расценивать лишь как идеологические, по сути, усилия, призванные, в соответствии с идеологическими запросами времени, "обосновать" всеобъемлющее действие норм статьи 2 УПК РСФСР (1960 года) на всех этапах и стадиях публичного уголовного судопроизводства России³.

Для правильного определения юридической природы названной стадии, ее сути (основы) и содержания заслуживают внимания и специальные средства, избираемые законодателем на том или ином этапе развития российского уголовно-процессуального права для эффективного достижения каждого из элементов названных выше задач.

Определяющими из них в механизме правового регулирования, как известно, являются избранные законодателем: цели, задачи и процессуальная форма (порядок) предания обвиняемого суду; предмет и пределы проверки (контроля) суда на этом этапе; реальные права и обязанности (полномочия) суда и сторон⁴, делегируемые им законодателем в рамках данного института; возможности к обеспечению прав, сво-

бод и законных интересов личности на этом этапе, обеспечению эффективного отправления правосудия⁵ [14]. Только в системном анализе названных составляющих механизма правового регулирования являются истинные суть и социальное предназначение института предания суду, нередко в силу ряда субъективных причин искусно вуалируемые в праве средствами законодательной техники или же не менее искусной подменой смысловых контекстов понятий в теоретических спорах.

Ранее уже отмечалось, что, исследуя в свое время институт предания суду в русском уголовном процессе, И.Д. Перлов выявил достаточно интересную закономерность, характеризующую генезис данной стадии и данного процессуального института, сущность которой, по его мнению, заключается в том, что "все реакционные, антидемократические реформы в области уголовного судопроизводства во всех странах, как правило, приводили к ликвидации института предания суду, его урезыванию и ущемлению и, напротив, все реформы и преобразования ... имеющие прогрессивный демократический характер, пытались привести или приводили к укреплению и развитию этого института" [15].

Если принять названное утверждение И.Д. Перлова за аксиому, закономерно возникают вопросы. Во-первых, чем было вызвано подобное положение дел? Какие свойства данного процессуального института или его сущностные черты то вызывали столь резкое неприятие законодательной и всегда стоящей за нею исполнительной власти, нередко приводя к отказу от судебного порядка подготовки дела к судебному заседанию, то всецело одобрялись этой же властью, выдвигаясь в качестве ведущих начал процессуальной формы данного института? Во-вторых, как в, безусловно, прогрессивном или в регрессивном аспекте следует расценить очередную реформу данного процессуального института, предпринятую законодателем в нормах УПК РФ (2001 г.)? Стала ли более эффек-

³ Как известно, в нормах ст. 2 УПК РСФСР (1960 г.) законодатель, в точном соответствии с идеологическими «запросами» времени, закрепил цели и задачи уголовного судопроизводства как отрасли государственной деятельности, призванной, в том числе, и к борьбе с преступностью.

⁴ Мы конвенционально используем понятие «сторон», понимая, что применительно к тем или иным этапам развития российского уголовно-процессуального права, в большинстве своем «построенного» по инквизиционным началам, более правильным к данному этапу было бы использование термина «участники (субъекты) уголовного судопроизводства», а не равноправные стороны.

⁵ Отчасти именно на эти элементы в механизме правового регулирования обращает внимание в своей работе А.Л. Гуськова.

тивной, более социально ориентированной в результате данной реформы процессуальная форма подготовки дела к судебному разбирательству по нормам главы 33 или 34 УПК РФ?

Ответ на первый вопрос, по мнению Н.Н. Ковтуна, очевиден [12, с. 217-218] во всяком случае для "советской" формы (типа) процесса⁶. Суть его заключается в том, что именно данная стадия и данный уголовно-процессуальный институт, оказавшись на стыке инквизиционного, по сути и форме, досудебного этапа производства по делу и собственно судебным рассмотрением дел, сформированным, как правило, по состязательному образцу, всегда выступали своего рода проверочным фильтром⁷ [16], специфической формой независимого судебного контроля за законностью и обоснованностью притязаний обвинительной власти на уголовное преследование обвиняемых ею непосредственно в уголовном суде [8, 9]. И именно в независимой, контрольной деятельности суда, ставящего под беспристрастный судебный контроль законность и обоснованность внесения уголовного иска (обвинения) в суд, сталкивались интересы обвинительной и судебной властей, поскольку одна из них, являясь отражением тоталитарной по сути системы, *a priori* не считала возможной себя контролировать⁸, а вторая – пыталась отстоять свою независимость хотя бы в части свободы суждений и выводов по поводу законности и обоснованности притязаний обвиняющей власти.

⁶ В данном контексте преимущественно имеются в виду нормы УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и т.п. нормативные акты «советского» периода развития российского уголовно-процессуального права.

⁷ На это же обстоятельство справедливо обращает внимание В.А. Лазарева, указывая на то, что в российском процессе именно данная стадия отграничивает сферу «господства» обвинительной и судебной властей. Стадия предания суду как форма судебного контроля в историческом аспекте наиболее последовательно рассмотрена в работах В.З. Лукашевича.

⁸ Необходимо подчеркнуть, что объективным отражением названного положения дел в российском государстве и обществе долгие годы выступало нормативное закрепление тезиса о том, что именно прокуратура осуществляет *высший надзор* за состоянием законности и правопорядка в стране.

Соответственно с попытками скрыть эту сущность (суть) института предания суду (назначения судебного заседания) были во многом связаны как усилия законодателя (и стоящего за ним государства), перманентно меняющего название указанной стадии, ее непосредственные задачи, процессуальную форму деятельности, объем полномочий суда и сторон, так и большинство доктринальных усилий, в контексте меняющихся в государстве подходов, "обосновывающих" то одно, то другое понимание цели, задач, предмета и пределов проверки и оценки суда на данном этапе.

Ответ на вопрос о (реальной) социальной направленности, нового, как утверждается, по форме и сути института предания суду, предусмотренного нормами УПК РФ, не столь очевиден и требует объективного анализа всей системы норм главы 33 и 34 УПК РФ в общем механизме правового регулирования уголовного судопроизводства России. И, прежде всего, в этом контексте необходимо точно определить-ся в задачах, предмете и пределах проверки суда на этом этапе; в реальном соотношении поставленных законодателем задач и предоставленных им же (процессуальных) средств решения этой задачи.

Для того чтобы правильно ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к анализу сути еще одной кардинальной проблемы института предания суду (назначения судебного заседания), исторически служащей детерминантом тех изменений, к которым раз за разом прибегает законодатель, пытаясь урегулировать, как он полагает, оптимальную и эффективную форму подготовки дела к судебному разбирательству.

Теории российской уголовно-процессуальной науки достаточно известна эта проблема. Суть ее заключается в том, что в нормативном определении той или иной формы предания суду "камнем преткновения" как для законодателя, так и для научной доктрины или практики применения этого института всегда являлся вопрос о допустимости предварительной оценки судом на этом этапе той или иной степени *фактической доказанности обвинения*, внесенного прокурором в суд, то есть вопрос, якобы, не-

разрывно (по сути, *a priori*) связанный с проблемой предрешенности судом, в итоге подобной оценки, вывода о доказанной виновности обвиняемого, преданного суду, еще до разбирательства дела по существу [16, 17].

Именно этот центральный вопрос процедуры, предмета и пределов проверки на этом этапе, раз за разом вуалированный законодателем в нормах данного института под, казалось бы, нейтральные, по сути, вопросы: о достаточной обоснованности обвинения, внесенного прокурором в суд; о доказанности обвинения или достаточности обвинительных доказательств для предания обвиняемого суду; о достаточной обоснованности обвинения материалами дела или достаточности (фактических) оснований для рассмотрения дела в суде: всесторонности, объективности и полноте установления обстоятельств дела и т.п., и стал, действительным детерминантом тех многочисленных изменений в законе, которые оказались исторически столь присущи российскому институту предания суду.

Показательным в этом контексте выглядит и генезис доктринальных подходов, в рамках которых все тот же центральный вопрос (о той или иной степени доказанности виновности обвиняемого как объективной основе для законного и обоснованного внесения уголовного иска на разрешение суда) кардинально "трансформируется" исследователями в зависимости от того, к какому этапу уголовного судопроизводства или к какому субъекту оценки относится предпринимаемый доктринальный анализ.

Обратимся к анализу позиций В.З. Лукашевича, наиболее обстоятельно, по мнению автора, исследовавшего в свое время весь комплекс проблем и вопросов стадии предания суду, в том числе и непосредственно в контексте поставленных в данной работе вопросов⁹.

Раскрывая в своей монографии суть судебного контроля за преданием обвиняемого суду по нормам УПК РСФСР (1960 г.), он последовательно и методологически точно указывает на то, что следователь вправе закончить расследование и приступить к составлению обвинительного заключения "только в том случае, если в итоге предварительного следствия или дознания установлена истина; бесспорно *доказана* собранными и проверенными доказательствами *вина* обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления и все другие обстоятельства, имеющие существенное для дела значение" [11, с. 5].

Следует отметить, что в качестве реального предмета и пределов проверки и оценки следственных органов на этом этапе В.З. Лукашевич однозначно называет фактическую доказанность *вины обвиняемого*, а не и юридически, и нравственно нейтральную (в том числе, в свете принципа презумпции невиновности обвиняемого) *доказанность обвинения*, ему вмененного. Лукашевич указывает это, ясно осознавая тот факт, что раз это обстоятельство прямо предусмотрено предметом доказывания по делу (п. 2 ст. 68 УПК РСФСР 1960 г.¹⁰), то только фактическая его доказанность (во всяком случае, во внутреннем убеждении следователя) дает достаточное основание для законного и обоснованного завершения расследования, составления обвинительного заключения (уголовного иска) и направления уголовного дела через прокурора в суд.

Последователен он в этом вопросе и далее. Раскрывая по нормам УПК РСФСР 1960 года полномочия прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением, В.З. Лукашевич с той же уверенностью пишет о том, что прокурор, получив дело, прежде всего, обязан проверить полноту, всесторонность и объективность расследования. И только в том случае, если он придет к выводу о том, что расследование проведено с достаточной объективностью, а "*виновность обвиняемого доказана* и обвиняемый дол-

⁹ Необходимо оговориться, что анализ дан в контексте соответствующих положений и норм УПК РСФСР 1960 г., поскольку именно данные нормы были предметом анализа в названной работе В.З. Лукашевича. Однако в контексте поставленных проблем и вопросов этот анализ не теряет своей актуальности и в настоящее время.

¹⁰ По сути, аналог этой нормы закреплён законодателем и в п. 2 ст. 73 УПК РФ 2001 года.

жен быть предан суду за совершенное преступление", следует утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд.

Несмотря на то, что по нормам УПК РСФСР 1960 года на данном этапе прокурор имел примерно те же процессуальные возможности к непосредственной проверке и оценке материалов дела, что и судья (суд) в стадии предания суду, В.З. Лукашевич оставляет за ним право оценить и проверить именно фактическую доказанность *виновности обвиняемого*, предаваемого суду, а не доказанности предъявленного ему обвинения [11, с. 7]. Разница, и не только терминологическая, в предмете проверки и оценки здесь, как представляется, и существенна, и очевидна.

Однако эта же, по мнению автора, методологически выверенная позиция В.З. Лукашевича кардинально меняется при характеристике предмета и пределов оценки суда (судьи), осуществляемой по поступившему от прокурора уголовному делу. Здесь он уже отмечает, что судья или суд, реализуя свои (контрольные) полномочия в стадии предания суду, обязаны убедиться лишь "в законности и обоснованности *предъявленного обвинения*" [11], а не в одном из центральных вопросов предмета и пределов доказывания: о степени доказанности виновности обвиняемого материалами дела, достаточной для рассмотрения (разрешения) дела в суде.

Причины столь резкой смены ориентиров в определении реального предмета и пределов оценки суда на этом этапе очевидны. Они заключаются в вопросе о недопустимой предрешенности внутреннего убеждения судьи, изучающего поступившее в суд уголовное дело; в вопросе возможной оценки судом степени доказанности виновности обвиняемого еще до разбирательства данного дела по существу. В силу определенной предрешенности обвиняемый после подобного изучения дела судьей якобы является в суд уже в известной степени осужденным (и, следовательно, *a priori* виновным), в том числе для суда еще до разбирательства дела по существу [17; 18, с. 4].

Впервые этот тезис и эта проблема реализации судебной формы предания обвиняемого

суду, как известно, была озвучена еще в работах И.Я. Фойницкого [2]. Однако в своем концентрированном, наиболее оформленном виде она была сформулирована в российском уголовном процессе М.Л. Шифманом, который в целом ряде работ достаточно последовательно утверждал, что в результате предания обвиняемого суду актом распорядительного заседания суда¹¹, подсудимый приходит в суд осужденным если не юридически, то, в известной мере, психологически, так как в дальнейшем, при рассмотрении дела по существу этот же суд (этот судья) в какой-то мере оказывается связанным своим решением о предании данного обвиняемого суду [18, с. 56].

Именно в стремлении уйти от "предрешающей" и недопустимой, по сути, оценки судом вопроса о степени доказанности виновности обвиняемого как единственно законном и достаточном основании для внесения дела на судебное разбирательство, В.З. Лукашевич вынужденно отступает от своих же позиций, утверждая, что в рамках института предания суду судья обязан убедиться лишь "в законности и обоснованности предъявленного обвинения", а не в вопросе о той или иной степени доказанности виновности обвиняемого, как ранее должны были убедиться следователь или прокурор, принимая меры к формированию уголовного иска¹² [19].

Некоторая искусственность этого "обоснования" неизбежно проявляет себя в логике дальнейших рассуждений В.З. Лукашевича, ибо, буквально через несколько страниц, он же прямо пишет о том, что "проверка обоснованности обвинения в стадии предания суду неизбежно влечет за собой контроль *над существом обви-*

¹¹ На момент предпринимаемого М.Л. Шифманом анализа российское уголовно-процессуальное законодательство, по сути, не знало единоличного порядка подготовки дела к судебному разбирательству, в силу чего названный автор пока говорит только о распорядительном заседании суда как о надлежащей (и единственно возможной) процессуальной форме подготовки дела к судебному заседанию.

¹² Куда как более последовательным в этом вопросе оказался М.Л. Шифман, последовательно полагающий, что суд вправе вынести постановление о предании обвиняемого суду только в том случае, если он полностью уверен в виновности последнего.

нения (курсив автора) и немыслима без оценки доказательств со стороны судей" [11, с. 58].

О том, что названная оценка существа обвинения объективно основана на оценке имеющихся в материалах дела обвинительных доказательств и всегда связана с оценкой той или иной *степени доказанности виновности обвиняемого* на этом этапе, названный автор по вполне понятным причинам не упоминает.

Естественным выходом из данной проблемы целому ряду ученых виделся *обвинительный порядок* предания обвиняемого суду, при котором суд, якобы, изначально устраняется от процедуры предварительной оценки (действительных) оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду (внесения уголовного иска в суд). Актом предания суду при этом порядке служит само обвинительное заключение (обвинительный акт), утвержденное прокурором, а не акт судебной власти [14; 19, с. 14]. Тем самым суд, по мнению сторонников такого подхода, изначально устраняется от предварительной оценки фактических оснований законного и обоснованного внесения дела (иска) в суд и, соответственно, не "предрешает" (не формирует) своего вывода о виновности обвиняемого до разрешения дела по существу.

Однако и практика реализации такого порядка предания суду, и объективный доктринальный анализ полномочий суда, реализуемых на этапе приговорительных к суду распоряжений, убедительно свидетельствовали о том, что избежать "вывода судей о том, что обвинение, выдвинутое против обвиняемого, имеет серьезные основания, просто нельзя" [11, 20, 21].

Результаты специальных исследований, предметом которых являлся именно этот вопрос, объективно указывали, что и при данном (обвинительном) порядке внесения дела в суд, судья (суд) еще до разбирательства дела по существу все равно обязан в той или иной мере ознакомиться с материалами уголовного дела¹³

[11, с. 29, 34], в том числе ознакомиться и с системой обвинительных доказательств, имеющих в данных материалах, субъективно оценивая их достаточность для рассмотрения дела в суде или для разрешения возможных ходатайств сторон. В итоге центральный вопрос процедуры оценки действительных оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду – о той или иной *степени доказанности виновности обвиняемого* в инкриминируемых ему преступлениях – неизбежно проявлял себя при любой из (избранных законодателем) форм реализации института предания суду (назначения судебного разбирательства).

Уже в наши дни Н.Г. Муратова в контексте решения все той же проблемы предложила ввести в качестве полноправного участника (органа) подготовки дела к судебному заседанию *следственного судью*, решающего весь комплекс вопросов, связанных с проверкой законности и обоснованности внесения уголовного иска (дела) в суд, включая вопрос о достаточности оснований для этого. По смыслу ее предложений в дальнейшем следственный судья объективно не может участвовать в рассмотрении и разрешении данного дела по существу; поэтому вопрос о возможной "предрешенности" его внутреннего убеждения – о той или иной степени доказанности виновности обвиняемого, преданного им суду, материалами поступившего дела – не в состоянии оказать воздействие на внутреннее убеждение и итоговые выводы суда, разрешающего данное дело по существу [22, 23, 24]. Тем самым, по ее мнению, проблема названной "предрешенности" вопроса о виновности обвиняемого при данном порядке подготовки дела к судебному разбирательству как бы объективно снимается.

Названные предложения вызывают определенные сомнения в своей целесообразности. Из высказанных Н.Г. Муратовой положений достаточно трудно понять: когда и в каком процессуальном порядке федеральный судья впервые ознакомится с делом? Как быть в той ситуации, когда федеральный судья, ознакомившись с делом, не согласен с выводами следственного судьи по принципиальным вопросам процесса, в

¹³ Подобное ознакомление было необходимо, в том числе потому, что, не зная материалов уголовного дела, суд был просто не в состоянии законно и обоснованно разрешить ходатайства сторон, обеспечить их права в процессе и т.п.

том числе по решениям, принятым на этапе предварительного слушания: о мере пресечения в отношении подсудимого; об особом порядке судебного разбирательства, коллегиальном или единоличном порядке рассмотрения дела; об исключении (из материалов дела) отдельных доказательств; о направлении дела по подсудности и т.п.? Неясно также и то, насколько этот судья, совершенно не зная материалов уголовного дела, сути обвинения и т.п., в состоянии законно и обоснованно разрешить в подготовительной части судебного разбирательства возможные ходатайства и жалобы сторон, вносимые с целью максимально эффективно разрешить дело по существу?

В итоге, восприняв названные предложения, либо законодатель изначально допустит порядок, при котором суд, разрешающий дело по существу (главы 36-39 УПК), приступает к его рассмотрению без какого-либо ознакомления с материалами дела, без права поставить под сомнение истинность выводов следственного судьи по принципиальным вопросам процесса либо названные предложения Н.Г. Муратовой, по сути, лишены своей продуктивности, поскольку не решают проблемы законного и обоснованного предания суду. Тем более, потому что система российского уголовного процесса, в отличие от, к примеру, уголовного судопроизводства Великобритании и Северной Ирландии, не знает процедур, сформулированных по аналогии *подготовительных слушаний* [25], в ходе которых суд, получив дело от магистратских судов (судей), мог бы еще до разрешения данного дела по существу по правилам состязательной процедуры предварительно ознакомиться с основными материалами уголовного дела и сутью обвинительного акта¹⁴.

¹⁴ Таким образом, и в этом процессуальном порядке, несмотря на то, что решение о предании суду, по идее, принимается судом, не разрешающим данное дело по существу, судья, принявший дело к своему производству с целью его разрешения по существу, все равно предварительно знакомится и с материалами дела, и с системой обвинительных доказательств, и с обвинительным актом. Правда, при этом вопрос о «предрешенности» его убеждения в виновности подсудимого в юридической литературе как-то не обсуждается.

В данной связи зададимся вопросом: что за проблема в том, что еще до начала рассмотрения дела по существу суд предварительно оценит не только законность предыдущего производства по делу, но и достаточность фактических оснований для внесения данного дела на разрешение суда, оценит законность и обоснованность требования следственных органов о привлечении обвиняемых лиц в качестве подсудимых по делу. Если суд независимо, вне субъективных притязаний сторон, предварительно оценит ту или иную полноту установления (доказанности) обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания, включая вопрос об обоснованности утверждения следственных органов и прокурора о виновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях (п. 2 ст. 73 УПК). Очевидно, что именно результаты подобного ознакомления, изучения и подобной оценки, в том числе сформулированные в итоговых выводах судьи, послужат дополнительной процессуальной гарантией прав, свобод и законных интересов участников процесса, интересов государства и общества, объективно заинтересованных в том, чтобы суд как можно раньше определился в обоснованности уголовного преследования обвиняемых, обоснованности требования судебной процедуры для разрешения социально-правового спора сторон непосредственно в уголовном суде.

По сути, названные вопросы выглядят риторическими. Тем не менее на протяжении десятилетий как в доктринальных позициях, так и в позиции законодателя буквально самодовлеющим стал тезис о том, что оценка фактической стороны уголовного иска на этом этапе неразрывно связана а priori с недопустимой оценкой (с предрешением) судом как субъектом подобной оценки вопроса о доказанности виновности обвиняемого. Соответственно, в попытке разрешить эту проблему раз за разом менялись подходы законодателя к определению процессуальной формы предания суду, к нормативному определению предмета и пределов проверки суда на этом этапе, к полномочиям суда (судьи) и сторон, к перечню и содержанию вопросов, подлежащих проверке судом на этом этапе, и т.п.

Между тем даже с позиций этимологии постановка вопроса о якобы имеющейся предпрешенности судьей вопроса о виновности обвиняемого по итогам подобной оценки выглядит несколько искусственной. По самой своей сути термин *"предрешать"* означает *"навязывать кому-либо свое мнение, позицию, решение"* [26], причем как истинное, единственно возможное в данной конкретной ситуации. Объективный анализ установленной законодателем судебной формы предания суду однозначно указывает на то, что, проверяя на данном этапе законность и обоснованность внесения уголовного иска в суд, последовательно решая вопросы, отнесенные к его компетенции, принимая итоговые решения, суд не только никому из участников процесса ничего не навязывает, в том числе и в центральном вопросе уголовного дела — о виновности обвиняемого (подсудимого), но даже не ставит на возможное обсуждение сторон на этом этапе те вопросы, которые должны стать непосредственным предметом предстоящего разбирательства дела по существу. Более того, как показывает анализ практики применения этого института, в том числе в Верховном Суде РФ, любая попытка суда сформулировать в постановлении о назначении судебного разбирательства вывод о виновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях влекла неизбежную отмену этих решений вышестоящим судом как незаконных, включая в том числе направление данных дел на повторное изучение и подготовку к судебному разбирательству в ином составе суда.

При анализе сути этой проблемы обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в полемике спора, в анализе нормативных и доктринальных позиций исследователи нередко не замечают, что категории *"вина"* и *"виновность"* нередко используются ими в едином синонимическом ряду, практически как однопорядковые. К примеру, тот же В.З. Лукашевич при анализе предмета оценки следственных органов, решающих вопрос о достаточности оснований для завершения расследования и направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, пишет о том, что бесспорно до-

казанной на этом этапе должна быть именно вина обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления [11, с. 5]. При анализе предмета оценки прокурора по поступившему делу он же ссылается на виновность обвиняемого, которая служит предметом оценки и должна быть доказана материалами дела [11, с. 7], ибо только при положительном ответе на этот вопрос он вправе утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд¹⁵.

Таким образом, В.З. Лукашевич не видит существенной разницы между указанными категориями, используя их при обосновании своих доктринальных подходов в едином синонимическом ряду как однопорядковые.

Отчасти такому подходу *"способствует"* сам законодатель. К примеру, в нормах п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, определяющих круг фактов и обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию) по каждому уголовному делу (предмет доказывания), законодатель одновременно оперирует и категорией *"виновность лица в совершении преступления"* и категорией *"его вины"*. При этом игнорируется то обстоятельство, что *"вина"* есть уголовно-правовая категория, которая должна использоваться судом для юридической констатации содеянного в окончательном решении по делу. В свою очередь, *"виновность"* — понятие исключительно уголовно-процессуальное, призванное обозначить доказанность (степень доказанности) совершения данным лицом конкретного преступления (с доказанной материалами дела формой вины).

Именно в этом контексте при изучении материалов поступившего в суд дела судья не только вправе, но даже обязан войти в предварительную оценку вопроса о той или иной степени доказанности виновности обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях как единственном и достаточном основании для рассмотрения этого утверждения следственных органов непосредственно в уголовном суде.

¹⁵ В дальнейшем, как уже отмечалось, он обращается к анализу исключительно обоснованности предъявленного лицу обвинения, а не категорий *"вина"* и *"виновность"*.

При этом даже при положительном ответе на этот вопрос при вынесении законного и обоснованного решения о назначении судебного разбирательства общегражданская презумпция невиновности обвиняемого не опровергается. Принимая решение о наличии и достаточности этого основания для внесения дела в суд, суд не обсуждает вопрос о вине и, соответственно, о наказании обвиняемого как категориях материально-правовых. Обвиняемый по-прежнему считается невиновным, ибо еще не доказано обратное, и этот вывод не легитимирован обвинительным приговором суда. В то же время процессуальная презумпция невиновности больше не является препятствием для внесения дела в суд, ибо утверждение органов уголовного преследования о виновности обвиняемого в конкретном преступлении имеет под собой достаточное основание для того, чтобы внести этот вопрос на разрешение суда. Для констатации в дальнейшем на этой основе либо материально-правового состояния вины, либо опровержения этого со стороны обвинения.

Точно так же при прекращении досудебного преследования по одному из нереабилитирующих оснований в ходе досудебного производства общегражданская презумпция невиновности не опровергается и вина обвиняемого в совершении преступления не устанавливается, в то время как уголовно-процессуальная презумпция невиновности опровергается и поэтому виновность устанавливается [27].

Не выдерживают критики и доктринальные предложения о недопустимости предварительного ознакомления суда с системой обвинительных доказательств, имеющих в материалах дела. Ранее уже отмечалось, что и при обвинительной форме предания суду суд объективно не в состоянии уйти от ознакомления с системой названных доказательств и, соответственно, от внутренней, субъективной по сути, оценки ее достаточности или недостаточности для рассмотрения дела по существу. Причем убежденности, которая вполне может быть опровергнута под воздействием непосредственной, устной, гласной, а теперь и состязательной процедуры исследования доказательств в суде, под

воздействием доводов и аргументов сторон, ставших предметом непосредственного восприятия и оценки суда [28].

Поэтому, если отказаться от идеологических штампов, о возможности "простой" передачи дела в суд и о кажущейся эффективности порядка "механического" предания суду средствами обвинительной власти, то при любом объективном анализе сути указанной деятельности на первый план являются стороны, исковой характер материального и процессуального спора, не разрешенный на предыдущем этапе производства по делу социально-правовой конфликт интересов сторон, поиск в суде беспристрастного в споре арбитра, призванного к справедливому его разрешению, и другие признаки искового по сути процесса¹⁶ [13, 29, 30], действительные цель, предмет и пределы которого были определены еще И.Я. Фойницким при анализе порядка предания суду по нормам Устава уголовного судопроизводства 1864 года [31].

Характеризуя материально-правовое и процессуальное значение направления прокурором в суд обвинительного акта, именно И.Я. Фойницкий предельно точно подметил, что вся его суть – лишь в прошении обвинительной власти о наложении на обвиняемого уголовной ответственности, то есть в иске к суду о разрешении материально-правового спора сторон по поводу уголовной ответственности обвиняемых за вменяемые им деяния, правом возложения которой обладает исключительно суд [2].

Эту же суть анализируемой деятельности методологически точно вскрывает В.А. Лазарева, которая, безусловно, признает на данном этапе исковой характер уголовного спора. Признает и то обстоятельство, что утверждение прокурором обвинительного заключения означает лишь то, что обвинительная власть считает завершенным этап предварительного расследования и возможным продолжить уголовное

¹⁶ Мы в принципе солидарны с теми учеными, которые полагают, что нет существенной разницы между исковым характером (сутью) уголовного и гражданского спора. Частности, безусловно, есть, но они обусловлены лишь спецификой реализуемых отношений.

преследование в отношении обвиняемого непосредственно в суде [16].

В итоге, только признавая исковой характер уголовного спора, можно увидеть исковую суть обвинительного заключения (обвинительного акта или жалобы частного обвинителя), посредством которого обвинительная власть считает возможным предъявить суду свои притязания на уголовное преследование обвиняемого непосредственно в уголовном суде, считая предъявленный иск достаточно доказанным материалами дела и достаточным для обоснования обвинительных тезисов [2, 17, 28, 32, 33, 34].

Именно в данной связи, исследуя по нормам УПК РСФСР 1960 г. характер вопросов, разрешаемых судом на этом этапе, В.А. Лазарева смогла обосновать принципиальный вывод о том, что действительной задачей этой стадии процесса является *"осуществление контроля за законностью и обоснованностью обвинения"* (здесь и далее – курсив автора) [16], а указание законодателя на проверку судом законности, полноты и всесторонности предварительного расследования [35] выглядит лишь *"фиговым листом, прикрывающим подлинные цели стадии предания суду, заключающиеся в контроле за законностью получения и достаточностью именно обвинительных доказательств"* [16].

Этот же тезис не потерял своей актуальности и применительно к нормам глав 33 и 34 УПК РФ. В данной связи именно этот вопрос должен быть сформулирован в нормативном определении предмета и пределов проверки суда как основной вопрос анализируемой стадии. Без этого вопроса данная стадия и данный процессуальный порядок теряют свою сущность, роль и значение, поскольку реально – это вопрос о предмете и пределах судебной проверки, который является основным для института контроля, реализуемого судом, в том числе и в контексте норм ст. 6 УПК РФ.

Более того, если законодатель, закрепляя в нормах УПК РФ именно судебный, а не обвинительный порядок подготовки дела к судебному заседанию, исходит из того, что итоговый процессуальный контроль прокурора за исполнением закона и соблюдением прав личности, осуществляемый по делу, поступившему с об-

винительным заключением, может оказаться недостаточным для обеспечения прав, свобод и законных интересов личности на этом этапе, он должен быть последователен и в вопросе о том, что по предмету, пределам и своим правовым последствиям судебный контроль, реализуемый по правилам норм главы 33 или 34 УПК, должен быть не менее значительным, чем предыдущий контроль прокурора, в предмет оценки которого входит и вопрос о доказанности обвинения, инкриминируемого обвиняемому¹⁷ [13]. Иначе предложенный законодателем процессуальный порядок подготовки дела к судебному разбирательству (как бы он ни назывался в угоду тем или иным субъективным подходам законодателя) предстанет объективно излишним в системе положений и норм российского уголовного судопроизводства, не выполняя более *"полезной"* нагрузки в конституционном и уголовно-процессуальном механизме обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, интересов государства и общества.

Поэтому, несмотря на кажущееся кардинальным изменение подходов законодателя к определению полномочий суда и сторон на этом этапе, вопросов, подлежащих оценке и разрешению судом, и т.п., следует, отчасти, согласиться с позицией А.П. Гуськовой, которая, анализируя названный институт по нормам УПК РФ, по-прежнему полагает, что непосредственная *задача* данной стадии и данного процессуального института (в целом) сводится к тому, чтобы не допустить до судебного разбирательства поверхностно расследованных уголовных дел и предупредить тем самым необоснованное помещение на скамью подсудимых заведомо невиновных лиц, их незаконное осуждение, осуществляя при этом судебную защиту прав и свобод личности¹⁸ [14].

¹⁷ Отчасти эта проблема и именно в данном контексте уже ставилась в теории российской уголовно-процессуальной науки.

¹⁸ Мы говорим «отчасти» лишь потому, что, ясно формулируя эту задачу, А.Л. Гуськова одновременно указывает, что нормам нового УПК РФ присущ как раз обвинительный (прокурорский) порядок предания суду обвиняемого. Более того, при этом высказываются определенные тезисы о его эффективности, что несколько нивелирует ее подходы к названным выше задачам.

Несмотря на то, что она не касается прямо предмета проверки и оценки суда на этом этапе, из анализа каждого из названных тезисов, представляется очевидным, что эффективное решение данной задачи *a priori* невозможно без оценки судом реальной *достаточности фактических оснований* для внесения уголовного дела (иска) в суд по сути, достаточности именно обвинительных доказательств, подтверждающих обоснованность обвинения и имеющихся в материалах дела, представленного в суд¹⁹ [36].

Мы не одиноки в подобном определении предмета проверки, реализуемого на этом этапе. Практически в том же контексте (явно или завуалированно) он определяется в целом ряде работ, правильно ориентируя правоприменителей в этом принципиальном вопросе.

Именно так, к примеру, задачи названной стадии определяются в учебнике под редакцией профессора В.П. Божьева, где авторы прямо пишут о том, что "основной задачей этой стадии является проверка качества предварительного расследования и выяснение наличия достаточных данных для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании" [37]. Соответственно, для эффективного решения этой задачи "судья проверяет наличие необходимых юридических оснований и достаточность фактических данных для рассмотрения дела по существу".

В том же контексте необходимости проверки (реального) наличия фактических данных на этом этапе пишет и Б.Т. Безлепкин, определяя непосредственные задачи указанной стадии. Правда, при этом он все же считает необходимым оговориться в вопросе о том, что при анализе указанного предмета проверки суд, безусловно, не вправе ни решать, ни предрешать вопрос о виновности обвиняемого [38].

Таким образом, в предмет контроля суда на этом этапе входит не только проверка качества предварительного расследования, но и проверка scrupulous соблюдения следственными органами установленной законодателем процессуальной формы этого расследования. Формы, обеспечивающей, в том числе, надлежащую защиту (обеспечение) прав, свобод и законных интересов основных участников уголовного судопроизводства, имеющих в деле признаваемый законом интерес, ибо институт подготовки дела к судебному заседанию, предусмотренный нормами глав 33 и 34 УПК, изначально является составной частью уголовно-процессуального права как отрасли российского права. В данной связи естественно предположить, что социально-правовое назначение института подготовки дела к судебному разбирательству не может не быть связано с назначением всего уголовного судопроизводства, как оно определено законодателем в нормах ст. 6 УПК РФ.

Список литературы

1. Морщакова Т.Г., Петрухин И.Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам); отв. ред. О.Л. Темушкин. – М., 1987. – С. 16.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т. 2. – СПб: Изд-во "Альфа", 1996. – С. 403.
3. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М., 1910. – С. 105.
4. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М., 1913. – С. 87-88.
5. Кони А.Ф. Собр. соч. – М., 1967. – Т. 4. – С. 395.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1970. – Т. 2. – С. 181.
7. Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 88 с.
8. Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду. – М., 1965. – С. 54.
9. Уголовный процесс: учебник для студентов юрид. вузов и факультетов; под ред. К.Ф. Гуценко. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: ИКД "Зерцало-М", 2004. – С. 432.
10. Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Юрид. лит., 1965. – 150 с.
11. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – 148 с.
12. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Нижний Новгород, 2002. – С. 217-218.
13. Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности: учеб. пособие. – Краснодар, 1981. – С. 5.

¹⁹ Отметим определенную непоследовательность в этом вопросе А.В. Горяинова, который, с одной стороны, категорически предостерегает суд на этом этапе от оценки фактической стороны обвинения, с другой, указывает, что в качестве одной из задач указанной стадии является: «установление всех признаков и свойств состава преступления». При этом, правда, несколько «забываются» какие именно признаки (в целом) входят в данный состав.

14. Гуськова А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. – Оренбург, 2002. – С. 7-14.
15. Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. – М., 1948. – С. 38.
16. Лазарева В.А. Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. – Самара, 2000. – С. 15.
17. Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1958. – №2. – С. 59-60.
18. Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе (стенограмма лекции). – М., 1957.
19. Шифман М.Л. Предание суду должно стать функцией органов прокуратуры // Социалистическая законность. – 1946. – №10.
20. Байков С. Кому предоставить право предания суду // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – №20. – С. 605.
21. Строгович М.С. Новый проект Уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. – 1928. – № 18. – С. 13-49.
22. Муратова Н.Г. Предварительное слушание в системе судебного надзора по уголовным делам // Российский судья. – 2004. – № 8. – С. 8-9.
23. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. – Казань: КГУ, – 2004. – 72 с.
24. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2004 – 47 с.
25. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. – М.: ИКД "Зерцало-М", 2001. – С. 113, 126-127.
26. Перлов И.Д. Надзорное производство в уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1974 – С. 98.
27. Левинова Т.А. Прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям в механизме достижения цели уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – С. 74-75.
28. Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог "закономерных реформ" // Следователь. – 2005. – № 5(85). – С. 28-36.
29. Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. – 1960. – №1. – С. 105.
30. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. – Нижний Новгород, 2001. – С. 17.
31. Бозров В.М., Кобяков В.М. Некоторые процессуальные аспекты назначения судебного заседания и порядка предварительного слушания в суде присяжных // Государство и право. – 1996. – №6. – С. 19-28.
32. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М., 1977. – С. 86.
33. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. – 3-е изд., пересмотр. – Петроград: Изд. юрид. кн. скл. "Право", 1916. – 603 с. – С. 2 (репринтная копия).
34. Александров А.С., Гуцев В.Е. Субсидиарный уголовный иск. – Нижний Новгород, 2002. – С. 41, 56-58.
35. Полянский Н.Н. К вопросу о презумпции невиновности // Советское государство и право. – 1949. – №9. – С. 63.
36. Горяинов А.В. Порядок подготовки к судебному заседанию в уголовном процессе России. – М., 2005. – С. 9.
37. Уголовный процесс: учебник; под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – С. 433.
38. Безлепкина Б.Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Изд-во "Проспект", 2004. – С. 316.

В редакцию материал поступил 26.03.07.